

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-20-30

УДК 821.161.1

И.С. УрюпинМосковский педагогический государственный университет,
119435 г. Москва, Российская Федерация

Антиномия времени и вечности в рассказе Л.Н. Андреева «Воскресение всех мертвых»

Аннотация. В статье в широком историко-культурном и литературно-философском контексте рассматривается рассказ Л.Н. Андреева «Воскресение всех мертвых», в котором преодолевается «космический пессимизм» писателя и выражается надежда на духовное обновление человечества. Идеи христианского персонализма, «нового религиозного сознания», вдохновлявшие русских мыслителей рубежа XIX–XX вв., оказались созвучны нравственно-этическим исканиям Л.Н. Андреева 1910-х гг. Писатель стремился обрести нравственный Абсолют в мире, погружавшемся в хаос социальной дисгармонии и морального релятивизма. Самое апокалиптическое произведение автора «Красного смеха» и «Иуды Искарюта», рассказ «Воскресение всех мертвых», имеющий жанровый подзаголовок «мечта», наполнен пасхальной радостью обновления и преображения отдельного человека и человечества в целом. Цель статьи – изучение мифопоэтической структуры рассказа Л.Н. Андреева «Воскресение всех мертвых», его пространственно-временной организации, мотивно-образной системы в тесной связи с эсхатологическими настроениями, которые охватили русскую интеллигенцию, переживавшую в эпоху Серебряного века ощущение духовно-культурного декаданса. Антиномичность мировосприятия на рубеже XIX–XX вв. оказалась для Л.Н. Андреева способом познания противоречий в осмыслении действительности, сущности и динамики исторического процесса. Свои историософские воззрения писатель воплотил в символично-аллегорической форме рассказа-видения, идейно-смысловым центром которого выступает пропущенная через сознание лирического героя, субъекта-повествователя, диалектика времени и вечности. Антиномичная по своей сути, эта диалектика раскрывается в процессе развертывания сюжета о воскрешении «всех мертвых». Проблема смерти в рассказе – это не проблема небытия, а проблема завершения одного «исторического эона» и начало другого. Писатель показывает сам процесс перехода от одного состояния мироздания к другому, когда «мертвые восстанут». Этот процесс для писателя важнее, чем результат. Через систему аллюзий и реминисценций из Священного Писания, прежде всего из Откровения святого Иоанна Богослова, Л.Н. Андреев актуализирует непреходящие нравственно-этические ценности «активного христианства», утверждает идею победы жизни над смертью, художественно развивая прозрения Н.Ф. Федорова о грядущем преображении человечества.

© Урюпин И.С., 2024

Ключевые слова: Л.Н. Андреев, «Воскресение всех мертвых», антиномичность, диалектика времени и вечности в литературном произведении, русская литература Серебряного века

ССЫЛКА НА СТАТЬЮ: Урюпин И.С. Антиномия времени и вечности в рассказе Л.Н. Андреева «Воскресение всех мертвых» // Литература в школе. 2024. № 2. С. 20–30. DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-20-30

DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-20-30

I.S. Uryupin

Moscow Pedagogical State University,
Moscow, 119435, Russian Federation

Antinomia of time and eternity in the story “The Resurrection of All the Dead” by L.N. Andreev

Abstract. In a wide historical-cultural and literary-philosophical context, the article examines the story “The Resurrection of All the Dead” by L.N. Andreev which overcomes the writer’s “cosmic pessimism” and expresses hope for the spiritual renewal of mankind. The ideas of Christian personalism, the “new religious consciousness”, which inspired Russian thinkers at the turn of the XIX–XX centuries, turned out to be consonant with the moral and ethical demands of L.N. Andreev of the 1910s. The writer sought to find a moral Absolute in a world that was plunging into the chaos of social disharmony and moral relativism. The most apocalyptic work of the author of “Red Laughter” and “Judas Iscariot”, the story “The Resurrection of All the Dead”, which has the genre subtitle “dream”, is filled with the Easter joy of updating and transforming the individual person of mankind as a whole. The purpose of the article is to study the mythopoeitic structure of L.N. Andreev’s story “The Resurrection of All the Dead”, its space-time organization, a motif and image system in close connection with eschatological moods that swept the Russian intelligentsia that was experiencing a feeling of spiritual and cultural decadence in the era of the Silver Age. Antinomianism of his world perception at the turn of the XIX–XX centuries turned out for L.N. Andreev to be a way of learning the contradictions in understanding the reality, essence and dynamics of the historical process. The writer embodied his historiosophical views in the symbolic and allegorical form of a story-vision, the ideological and semantic center of which is dialectic of time and eternity passed through the consciousness of the lyrical hero, the subject-narrator. Inherently antinomic, this dialectic is revealed in the process of unfolding a story about the resurrection of “all the dead”. The problem of death in the story is not the problem of nothingness, but the problem of the completion of one “historical

eon” and the beginning of another. The writer shows the very process of transition from one state of the universe to another, when the “dead rise”. This process is more important to the writer than the result. Through a system of allusions and reminiscences from the Holy Scriptures, primarily from the Revelation of St. John the Theologian, L.N. Andreev updates the enduring moral and ethical values of “active Christianity”, affirms the idea of the victory of life over death, artistically developing the epiphany of N.F. Fedorov about the upcoming transformation of mankind.

Key words: L.N. Andreev, “The Resurrection of All the Dead”, antinomianism, dialectics of time and eternity in a literary work, Russian literature of the Silver Age

CITATION: Uryupin I.S. Antinomia of time and eternity in the story “The Resurrection of All the Dead” by L.N. Andreev. *Literature at School*. 2024. No. 2. Pp. 20–30. (In Rus.). DOI: 10.31862/0130-3414-2024-2-20-30

В предисловии к американскому изданию романа Л.Н. Андреева «Сашка Жегулев» М. Горький, на протяжении многих лет внимательно следивший и даже в некоторой степени определявший траекторию творческого развития автора «Красного смеха» и «Иуды Искарота», указал на «то новое», что он «внес от себя в обиход русской литературы» – «космический пессимизм» [7, с. 403]. Это была «философская болезнь» [Там же], которая охватила русскую интеллигенцию на рубеже XIX–XX вв. и смертельно поразила, по убеждению М. Горького, «учителя и проповедника “бодрости”» [18, с. 242], его «ученика» Л.Н. Андреева, отчаянно искавшего источник оптимизма в брэнном и обреченном на гибель мире.

Упадническое настроение, которому был подвержен писатель, чутко улавливавший дисгармонию тотального хаоса и выражавший в своих произведениях «самосознание отчужденного человека, мучительно пытающегося обрести целостность» микро- и макрокосма [6, с. 11–12], на протяжении десятилетий трактовалось

в отечественном литературоведении как проявление духовного кризиса и нравственной дезориентации художника. Идеино-онтологической и этико-эстетической основой декадентства Андреева В.А. Келдыш считал «представление о двух субстанциях существования – субстанции мирового бытия и находящейся в антагонизме с нею субстанции самого человека» [10, с. 336]. Такая двойственность андреевского восприятия действительности была обусловлена «антиномиями мысли писателя, которые, однако, находят объяснение в сложно-противоречивом единстве его мировидения» [Там же, с. 340].

С.А. Демидова, осуществившая историко-философский анализ мировоззренческой системы Андреева, назвала антиномизм писателя главным методом, дающим «возможность приблизиться к истине»: «антиномизм пронизывает буквально все уровни построения андреевских текстов, определяя не только идейно-сюжетную сторону, но и накладывая свой отпечаток на форму произведения, на его архитектуру с противопоставлением ведущих мотивов,

на выстраивание образов персонажей и даже на подбор лексических средств» [8, с. 12]. А потому контроверзой «космическому пессимизму» Андреева выступает вселенская «надежда на преодоление ограниченности бытия» [13, с. 18], на победу жизни над смертью, добра над злом, света над тьмой. Эти «инвариантные мотивы-символы» [Там же, с. 28] организуют пространственно-временную структуру произведений писателя, антинормичную и амбивалентную одновременно. Но если «темной» стороне художественного мира Л.Н. Андреева в литературоведении уделялось значительное внимание, то о «светлой» почти ничего не говорилось. А между тем уже современники писателя обратили внимание на то, что в творчестве Андреева наряду с настроениями грусти и отчаяния присутствуют «радостные и светлые тона» (Терек, 1913, № 4759, 16 ноября) [12, с. 623].

Пасхальной радостью пронизано, пожалуй, самое апокалиптическое произведение Л.Н. Андреева – рассказ «Воскресение всех мертвых», опубликованный в первом номере журнала «Заветы» в 1914 г. Сам автор, определяя его жанрово-тематическую природу и поэтико-стилевое своеобразие, в подзаголовке указал: «мечта» [1, с. 322], актуализировав как иносказательно-символическое, так и буквально-реалистическое восприятие религиозно-мифологического сюжета о преображении мира и человека в «последние времена». В рассказе действительно отчетливо проявилось «сочетание исторического взгляда с метафизической мыслью» [4, с. 69], которое позволяет художнику в образно-суггестивной форме воплотить диалектику времени и вечности.

Время, будучи «формой существования мира» «между актом сотворения и эсхатологическим актом» [2, с. 65], в рассказе Андреева является бесконечным континуумом, а по сути – «инобытием вечности, ее подвижным образом» [Там же, с. 123], концентрирующим в себе прошлое, настоящее и будущее. Не случайно писатель локализует действие своего рассказа в том временном отрезке, когда «еще не наступило новое, а уже кончилось старое, растаяло, как дым, исчезло, как мучительный сон тысячелетий» [1, с. 322]. Этот «миг» от «трубного клича архангелов» до «воскресения всех мертвых» оказывается «делимой бесконечностью» [Там же, с. 323], он вмещает в себя саму вечность до ее фактического «наступления».

Такой парадокс времени раскрыл Н.А. Бердяев в книге «Смысл истории» (1919–1920): «самое время есть что-то внедренное в глубину вечности» [3, с. 79], но при этом оказывающееся «безвременностью» [Там же, с. 81], ибо «в Божественной жизни нет никакого времени» [Там же]. Л.Н. Андреев в своей «мечте» о *безвременности* художественно воссоздает этапы «выключения» земного времени и «переключения» его в другой регистр, подобно тому, как «замедляет свой ход машина, подходя к последней остановке»: «так медленнее движет свои полные воды река, впадая в море; так вяло, нерешительно, ласково и слабо распоряжаются цари, сходя с трона»; «еще шумело темное море, и ветер двигался по своим кругам, но не было уже ярости в извечном шуме морском, и не гибли корабли»; «местами еще догорали пожары, но не стало ярости и силы и у огня: светило пламя кровавым светом своим, но уже не ггло

оно, не сжигало, не обжигало до боли, а почти ласково бродило по окружности, затихая» [1, с. 322].

Событийный ряд рассказа выстроен в соответствии с логикой развертывания физического эксперимента, имитирующего схему последовательного отключения энергии в электрической цепи. Вообще принцип параллелизма технического и органического оказывается сюжетообразующим во многих произведениях писателя, но в «Воскресении всех мертвых» он приобретает, помимо буквально-фактического, еще инскапозительный смысл: «Останавливались и остановились все поезда, пароходы, все машины плавающие, бегающие и летающие. Останавливались и остановились все фабрики, заводы, все машины делающие и творящие, биллионы железных сил» [Там же, с. 324].

Инерционный процесс остановки времени Л.Н. Андреев, мысливший в категориях земной механики, представляет как «сбой» в системе, как «слом» «Божественной машины»: «двигались стрелки по кругу, на колокольнях звонили часы», но это уже ничего не значило: «начиналось вечное, что не измеряется, не движется, не течет» [Там же, с. 323]. Е.А. Михеичева полагает, что писатель принципиально «не принимает идею времени, не имеющего конца» [15, с. 76]. В художественном мире Андреева конец времени – это не тотальное уничтожение всего, а акт завершения одного «эона» и начало другого. Не случайно образ «замкнутого круга» материально-вещественной реальности, в которой существует человечество, возникал и в философском сознании Н.А. Бердяева, противопоставлявшего ограниченность/«замкнутость» этого нашего исторического эона «иным

мирам» [2, с. 82], распахнутым в бесконечность. Путь в бесконечность, по утверждению русского религиозного мыслителя, указывает христианство, которое «необычайно исторично», а «история есть не что иное, как глубочайшее взаимодействие между вечностью и временем, непрерывное вторжение вечности во время» [Там же, с. 83].

«Воскресение всех мертвых» как аллегорическая мечта человечества являет собой художественное воплощение метаистории, которую писатель представил в символических картинах эсхатологического метабытия, когда вечность и время сливаются воедино: «одно во всем, и все в одном» [1, с. 323]. Авторская рефлексия в рассказе Андреева созвучна ощущению лирического героя стихотворения Ф.И. Тютчева «Тени сизые смешались...» (1836), переживавшего в «час тоски невыразимой» растворение души в мироздании: «Все во мне, и я во всем!...»¹. Время и вечность в тютчевском стихотворении переплавлялись в «сумрак тихий, сумрак сонный»², из которого «дремлющий» мир ожидал пробуждения/воскресения.

Сумеречное состояние рисует в рассказе «Воскресение всех мертвых» и Л.Н. Андреев: «...по всей земле стала тьма, но это не была та прежняя страшная ночь, что, как тень смерти, ложится на землю: это была «тихая и прозрачная мгла, тьма голубая и ясная, смягченный свет» [Там же], в недрах которого должно было родиться новое бытие – «новое небо и новая земля» (Откр. 21: 1). Отсюда апокалиптическая надежда на «брачный

¹ Тютчев Ф.И. Лирика: в 2 т. Т. 1. Стихотворения 1824–1873. М., 1965. С. 75.

² Там же.

пир», на котором осуществится триумфальная победа Божией Правды: «блаженны званные на брачную вечерю Агнца» (Откр. 19: 9). «Пусть в некоторой тихой тайне готовится мир, спешно и радостно украшается красотой, тихо облекается в одеяния брачные, наряды праздничные, одежды светлые» [1, с. 323]. Ожидание своей вечной участи, грядущего суда, который будет последним, страшным судом над всем сущим, окрашено писателем в празднично-радостные тона свадебного торжества, на которое Господь явится в образе Жениха, чтобы соединиться со своей Невестой. В христианской традиции под апокалиптической Невестой подразумевается Церковь – то «новое человечество», которому суждено стать «соборным Богочеловечеством» [19, с. 173] – духовно-социальным идеалом, актуализированным в русской религиозной философии и литературе Серебряного века.

Аксиологическая рефлексия Л.Н. Андреева, вовлеченного в круг этических исканий русской интеллигенции рубежа XIX–XX вв., обострила онтологическую тоску писателя по нравственному Абсолюту, явленному в Откровении святого Иоанна Богослова. «Кто отнимет радость у невесты, стыдливо украшающей себя к прибытию жениха?» [1, с. 323], – вопрошает герой-повествователь в рассказе «Воскресение всех мертвых». «Все званы на пир, и ждет ласковый хозяин гостей нарядных и смеющихся» [Там же]. Скинув «личину тленную», «одежду мертвого скомороха» [Там же], человек переступает границу жизни и оказывается «по ту сторону» (добра и зла, земного и небесного, отдельного и всеобщего). Но что находится на «той стороне» жизни? Бытие или небытие?

Аллюзии и реминисценции из последней новозаветной книги, возникающие в рассказе Л.Н. Андреева, убеждают исследователей в том, что писатель избирает «способ видения мира не “с точки зрения вечности”, а с точки зрения конечности, смерти» [9, с. 96], а значит – небытия. Однако, оказавшись за гранью своего физического существования, когда «кончилось старое, кончилось сразу и навсегда» [1, с. 323], человек вступил в область метафизическую: «все узнал и все понял», «все простил и все полюбил, нашел все, что искал» [Там же, с. 324]. В результате «не стало ни печального, ни большого, ни скорбного» [Там же]. А это как раз то состояние, о котором молитвенно вопрошают в православном чине литии, совершаемом за упокой души человека, навсегда покидающего землю и устремляющегося в Царствие Небесное: «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная»³.

Смерть в художественном сознании Л.Н. Андреева – феномен времени, а потому она мыслится переходящей и переходящей через черту бытия. Более того, смерть не противопоставляется жизни, а вместе с ней составляет одну экзистенцию, противопоставляемую вечности. Жизнь и смерть есть не что иное, как неразрывное единство бодрствования и сна, в котором не исчезает, а аккумулируется витальная энергия. Это состояние очень точно передал М.Ю. Лермонтов в своем знаменитом стихотворении «Выхожу один я на дорогу...» (1841): «Я б желал навеки так заснуть, / Чтоб в груди дремали

³ Православный молитвослов. М., 2011. С. 292.

жизни силы, /Чтоб, дыша, вздымалась тихо грудь»⁴. А потому главный лейтмотив рассказа Андреева – «почивали мертвые в своих гробах» [1, с. 325] / «почивали мертвые в своих гробах истлевших» [Там же, с. 327] – прямо указывает на то, что смертный сон не вечен и обязательно завершится пробуждением, ведь если сон/смерть воспринимать как конец бытия, «то каков же смысл в жизни?» [11, с. 295]. «Смерть нельзя оправдать не только потому, что ее нельзя объяснить, – замечает В.В. Варава, – смерть нельзя оправдать потому, что ее нельзя нравственно принять» [5, с. 21]. Л.Н. Андреев, как и русские религиозные мыслители рубежа XIX–XX вв., не принимал смерть как победу над жизнью, «победу временного над вечностью» [3, с. 83], ибо смерть временна, а жизнь вечна.

«Борьба вечности с временем, – утверждал Н.А. Бердяев, – есть непрерывная, трагическая борьба жизни и смерти на протяжении всего исторического процесса, потому что взаимодействие и столкновение вечных и временных начал и есть не что иное, как столкновение жизни и смерти» [Там же, с. 83–84]. Символическим воплощением такого борения в рассказе «Воскресение всех мертвых» является «страшный и печальный голос бесчисленных железных сил, крутящихся в вихре непрестанного движения» [1, с. 324]. *Голос и движение* – атрибуты жизни, их сущностной противоположностью выступают *тишина* и *покой* – атрибуты смерти. Л.Н. Андреев в своей картине вселенского хаоса, из которого должен возникнуть новый порядок, пока-

зывает, как мир погружается в космическую тишину: «...и уже тишина наступала, но еще не наступила она» [Там же, с. 326]; «сходила на землю тишина», «становился свет необъятным и необъятной становилась тишина» [Там же, с. 327]. Важно отметить, что вместе с распространением тишины распространялся «розовый предутренний свет»: «и сколько было света, столько было и тишины» [Там же].

В таком «невечернем свете» вселенная готовится к вечности, преобразуется «живая» и «неживая» природа: «красивы стали улицы, окутанные тьмой голубой и прозрачной» [Там же, с. 324]; «с тихим шелестом, как знамена в ночи, развернулись листья на деревьях, поползли травы из теплой земли, целые гигантские деревья, целые леса возникали в мгновение и строились праздничными рядами»; «торопливо распускались цветы»; «твердые базальты, холодные граниты, жестокие порфиры – торопливо ровняли кристаллы свои, чудесную каменную ткань»; «украшались и звери красотой»; «украшались птицы и гады; и таинственные чудища морские и подземные любовно чистили свои щиты и панцири» [Там же, с. 325]; «и торопливо украшались красотой люди» [Там же, с. 326].

В преддверии Божьего суда, страшного по своей неотвратимости, но благостного по своей милости ко всякой твари, мир наполняется красотой. И хотя герой-повествователь в рассказе «Воскресение всех мертвых», пребывающий в состоянии благоговения перед неизреченной тайной Божьего величия, отказывается объяснять, «что такое красота» («этого и не нужно было знать: было красотой все, что хотело быть красотой

⁴ Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 1. Стихотворения. М., 1957. С. 79.

и радостью *приветствия*» (курсив Л.Н. Андреева. – И.У.) [1, с. 326]), ему очевидно одно: красота – абсолютная ценность. В этом он полностью совпал с духовно-интеллектуальной рефлексией С.Л. Франка, для которого самым «непостижимым» феноменом была красота, «указывавшая на некую глубокую тайну бытия, на какую-то черту его последней глубины» [18, с. 217], за которой «прозаическая душа» вдруг становится «божественной» и «прекрасной» [Там же]. Такой «прозаической душой», наполняющейся «внутренним светом» в ожидании своей вечной участи, в рассказе Андреева предстает «одна бедная и одинокая старуха» [1, с. 326]. «Глухая, глупая, бестолковая», она, забыв о себе и презрев свою убогость и недостойность, не имея «даже единой одежки праздничной», спешит *приветствовать* грядущего Господа и, не замечая того сама, преображается физически и духовно: «и стали морщины ее прекрасны, и седина ее стала прекрасна; и вошла она в круг званных, как прекраснейшая из прекрасных» [Там же, с. 327].

В притче о брачном пире Спаситель говорил о том, что «много званных, а мало избранных» (Мф. 22: 14) – тех, которые всем сердцем смогут принять и исполнить в своей жизни обращенный к ним Завет любви, добра и правды; Бог призывает всех, но далеко не все откликаются на Его живое Слово. «Каждого отдельно завтра назовет Господь по имени»; «каждого увидит, каждого заметит, каждому окажет уважение Господь всех сил, секира разрешающая, благодать безмерная, любовь бесконечная» (курсив Л.Н. Андреева. – И.У.) [1, с. 327]. Так в рассказе художественно претворились идеи христиан-

ского персонализма, развивавшиеся в трудах русских религиозных мыслителей рубежа XIX–XX вв. (Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Н.О. Лосского и др.) и совпадавшие во многом с нравственно-этическими воззрениями Л.Н. Андреева.

Откликаясь на извечную тоску русских писателей о воплощении «царства Божия на земле», о духовном и физическом преображении человеческого природы, о действенности Христова учения, которое должно стать «общим делом» всех людей на земле, Л.Н. Андреев вступает в диалог с Н.Ф. Федоровым, «блудным сыном философии», мечтавшим о воскрешении всех мертвых как «естественном всей природе нашей ответе на это чуждое нам явление» [17, с. 366], которым оказывается смерть. Победа над смертью, одержанная Богочеловеком, стала примером нравственной активности человечества, о которой размышляли собеседники Н.Ф. Федорова – Ф.М. Достоевский и В.С. Соловьев. Мировоззренческий спор с ними Л.Н. Андреев начал в 1903 г. в повести «Жизнь Василия Фивейского», но отнюдь не исчерпал его и в рассказе «Воскресение всех мертвых», в котором процесс воскресения представлялся писателю как торжество нравственности, как «последняя высшая степень, до которой может прийти нравственность» [Там же, с. 433]. Феномен воскресения как закономерный итог духовного развития человечества, преображения его внешнего и внутреннего состояния казался Н.Ф. Федорову не только возвращением к «первобытной, райской, нетленной красоте» [15, с. 192], к легендарному прошлому, но, по утверждению С.Г. Семеновой, связывался с прорывом в будущее, в котором

окончательно осуществится «победа над временем» и произойдет «выход в новый эон Божественного бытия» [15, с. 196, 198]. Такой «итог» человеческой истории грезился и Л.Н. Андрееву в его «мечте» о «воскресении всех мертвых», которое неизбежно произойдет в «конце времен». Финал рассказа – обрывающийся на полуслове монолог лирического героя-автора, славящего Господа: «Осанна!», когда вселенский катаклизм («И вот разверзлись небесе и» <...> «и мертвые восстали» [1, с. 328]) прерывает течение времени и обнажает бездну вечности. Эту бездну писатель выразил предельно емко – в орнаментальном

провале текста, за графическим отточением которого скрывается не только пустота, но и потенциал рождения живого слова – нового мира: «.....» [Там же].

Так, в рассказе Л.Н. Андреева «Воскресение всех мертвых» в индикаторно-символической форме и вместе с тем сугубо реалистически по своему глубинному содержанию раскрывается диалектика времени и вечности, антиномичная по своей физической природе и по своей метафизической сути.

Библиографический список

1. Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Рассказы. Сашка Жегулев. Пьесы 1911–1913. М., 1994.
2. Ахундов М.Д. Концепции пространства и времени: истоки, эволюция, перспективы. М., 1982.
3. Бердяев Н.А. Смысл истории. Опыт философии человеческой судьбы. Париж, 1969.
4. Боева Г.Н. Творчество Леонида Андреева и эпоха модерна. СПб., 2016.
5. Варава В.В. Смерть как проблема нравственной философии (на материале русской философской культуры XIX – XX веков): автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Тула, 2005.
6. Виноградова В.В. Мифопоэтика кризисной антропологии в малой прозе русских декадентов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2011.
7. Горький М. О творчестве Леонида Андреева. «Сашка Жегулев» / Публикация А.И. Наумовой // Литературное наследство. Т. 72. Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка. М., 1965. С. 401–406.
8. Демидова С.А. Мировоззрение Леонида Андреева: историко-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2008.
9. Дрепина К.Е. Вопросы веры в творчестве Ф.М. Достоевского и Л.Н. Андреева // Творчество Ф.М. Достоевского в непрошедшем времени России: материалы Всероссийской научной конференции. Липецк, 2021. С. 93–99.
10. Келдыш В.А. О «серебряном веке» русской литературы: Общие закономерности. Проблемы прозы. М., 2010.
11. Киселева Н.А. Проблемы жизни и смерти в русской религиозно-философской антропологии (на примере творчества Л.Н. Андреева) // Образование и наука без границ: фундаментальные и прикладные исследования. 2017. № 5. С. 294–297.
12. Козьменко М.В. Комментарии // Андреев Л.Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 4. Рассказы. Сашка Жегулев. Пьесы 1911–1913. М., 1994. С. 602–638.
13. Корнеева Е.В. Система мотивов художественной прозы и драматургии Леонида Андреева. Елец, 2001.
14. Михеичева Е.А. Мотив воскрешения в творчестве Леонида Андреева // Проблемы исторической поэтики. 2017. Т. 15. № 1. С. 68–79.
15. Семенова С.Г. Тайны Царствия Небесного. М., 1994.

16. Туниманов В.А. Полемика Л. Андреева со статьями М. Горького «О “карамазовщине”» и «Еще о “карамазовщине”» // Максим Горький: pro et contra, антология. Современный дискурс. СПб., 2018. С. 227–247.
17. Федоров Н.Ф. Сочинения. М., 1982.
18. Франк С.Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. Париж, 1939.
19. Яковлев М.В. Апокалиптическое направление в русской поэзии первой половины XX века. Орехово-Зуево, 2021.

References

1. Andreev L.N. Sobraniye sochineniy: v 6 t. [Collected works: in 6 vols.]. V. 4. Stories. Sashka Zhegulev. Plays 1911–1913]. Moscow, 1994.
2. Ahundov M.D. Konceptii prostranstva i vremeni: istoki, jevoljucija, per-spektivy [Concepts of space and time: origins, evolution, prospects]. Moscow, 1982.
3. Berdjaev N.A. Smysl istorii. Opyt filosofii chelovecheskoj sudby [The meaning of the story. Experience of the philosophy of human destiny]. Paris, 1969.
4. Boeva G.N. Tvorchestvo Leonida Andreeva i epoha moderna [The work of Leonid Andreev and the modern era]. St. Petersburg, 2016.
5. Varava V.V. Smert kak problema npravstvennoj filosofii (na materiale ruskoj filosofskoj kultury XIX–XX vekov) [Death as a problem of moral philosophy (based on the material of Russian philosophical culture of the XIX–XX centuries)]. PhD Diss. Tula, 2005.
6. Vinogradova V.V. Mifopojetika krizisnoj antropologii v maloj proze russkih dekadentov [Mythopoeitics of crisis anthropology in the short prose of Russian decadents]. PhD Diss. Volgograd, 2011.
7. Gorky M. About Leonid Andreev's art. "Sashka Zhegulev". *Literaturnoe nasledstvo. T. 72. Gorky i Leonid Andreev. Neizdannaja perepiska*. By A.I. Naumova. Moscow, 1965. Pp. 401–406. (In Rus.)
8. Demidova S.A. Mirovozzrenie Leonida Andreeva: istoriko-filosofskij analiz [Worldview of Leonid Andreev: historical and philosophical analysis]. PhD Diss. Moscow, 2008.
9. Drepina K.E. Questions of faith in the works of F.M. Dostoevsky and L.N. Andreev. *Tvorchestvo F.M. Dostoevskogo v neprosheadshem vremeni Rossii: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii*. Lipeck, 2021. Pp. 93–99. (In Rus.)
10. Keldysh V.A. O «serebrjanom veke» ruskoj literatury: Obshhie zakonomernosti. Problemy prozy [About "Silver century" in Russian literature: General patterns. Problems of prose]. Moscow, 2010.
11. Kiseleva N.A. Problems of life and death in Russian religious and philosophical anthropology (on the example of the work of L.N. Andreev). *Obrazovanie i nauka bez granic: fundamentalnye i prikladnye issledovaniya*. 2017. No. 5. Pp. 294–297. (In Rus.)
12. Kozmenko M.V. Comments. *Andreev L.N. Sobraniye sochineniy: v 6 t. T. 4. Rasskazy. Sashka Zhegulev. Pesy 1911–1913*. Moscow, 1994. Pp. 602–638. (In Rus.)
13. Korneeva E.V. Sistema motivov hudozhestvennoj prozy i dramaturgii Leonida Andreeva [The system of motives of artistic prose and dramaturgy of Leonid Andreev]. Elec, 2001.
14. Miheicheva E.A. The motif of resurrection in the works of Leonid Andreev. *Problemy istoricheskoy pojetiki*. 2017. Vol. 15. No. 1. Pp. 68–79. (In Rus.)
15. Semenova S.G. Tajny Carstvija Nebesnogo [Secrets of the Kingdom of Heaven]. Moscow, 1994.
16. Tunimanov V.A. Andreev's polemic with M. Gorky's articles "On 'Karamazovism' " and "More about 'Karamazovism' ". *Maksim Gorkiy: pro et contra, antologija. Sovremennij diskurs*. St. Petersburg, 2018. Pp. 227–247. (In Rus.)
17. Fedorov N.F. Sochineniya [Works]. Moscow, 1982.
18. Frank S.L. Nepostizhimoje. Ontologicheskoe vvedenie v filosofiju religii [Incomprehensible. Ontological introduction to the philosophy of religion]. Paris, 1939.
19. Yakovlev M.V. Apokalipticheskoe napravlenie v ruskoj poezii pervoj polo-viny XX veka [Apocalyptic direction in Russian poetry of the first half of the twentieth century]. Orekhovo-Zuevo, 2021.

Статья поступила в редакцию 15.02.2024, принята к публикации 20.03.2024

The article was received on 15.02.2024, accepted for publication 20.03.2024

Сведения об авторе / About the author

Урюпин Игорь Сергеевич – доктор филологических наук; профессор кафедры русской литературы XX–XXI веков Института филологии, Московский педагогический государственный университет

Igor S. Uryupin – ScD in Philology; Professor at the Department of Russian literature of the XX–XXI centuries, Institute of Philology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: isuryupin78@mail.ru